

Софи де МИЖОЛЛА-МЕЛЛОР

НАРЦИССИЗМ МАЛЫХ РАЗЛИЧИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Перевод с французского Лисковец И. © 2021

В 1929 г. в «Будущем одной иллюзии» Фрейд вспоминает свою теорию формирования социальных групп вопреки агрессии, ведущей к разрушению. Описываемое им движение является двойственным, потому что «нарциссизм малых различий» есть одновременно и отвержение иного, что соответствует движению влечения к смерти, и противоположность такому отвержению, а именно соответствующее Эросу объединение, причем одно поддерживается другим. «Всегда возможно, – пишет он, – соединить большую массу людей узами любви при единственном условии, что за пределами этой массы останутся другие, чтобы принимать удары на себя» [1, с. 68].

Таким образом, для соседних и даже родственных сообществ речь идет о борьбе и насмешках друг над другом, удовлетворении – которое автор оценивает как «удобное и относительно безвредное» – того агрессивного инстинкта, с помощью которого сплоченность сообщества делается для его членов более легкой.

«Войны шпилей?» Нет, не только. Тут можно также увидеть и механизм козла отпущения, который, будучи обвиненным во всех прегрешениях, изгоняется из общины или даже сжигается. Фрейд с иронией отмечает, что функция евреев в этом отношении не всегда позволяла спокойно жить «братьям-христианам», приютившим их.

Таким образом, существуют два относительно разных аспекта нарциссизма малых различий в зависимости от того, идет ли речь о сообществах, живущих в одном пространстве, или о четко определенных национальных группах. Примеры,

выбранные Фрейдом (северные и южные немцы, испанцы и португальцы, англичане и шотландцы), подразумевают сопоставление соседских общин, в то время как случай с евреями, как правило, представляет собой осознанное и часто древнее, но оспариваемое смешение.

Фрейд пытается объединить эти два движения и отмечает: «То, что немцы обратились к антисемитизму, чтобы полнее реализовать свою мечту о мировом господстве, не было делом непонятной случайности; мы также видим, как попытка установить новую коммунистическую цивилизацию в России нашла свою психологическую поддержку в преследовании буржуазии».

Мы знаем, что запуск агрессии по отношению к другому несет в себе риски проявления стремления к смерти, преобразованного таким образом в деструктивный Эрос. Поэтому Фрейд продолжает: «С тревогой задаешься вопросом, что будут делать Советы, когда все их буржуа будут истреблены»... Это явление по-настоящему энтропийно и, будучи таковым, бесконечно.

Я выбрала пример, в котором нарциссизм малых различий сочетается с наличием внутреннего и внешнего врага без возможности их слияния.

Мы знаем, что в течение XX века антисемитизм развивался сначала во Франции, а затем в Германии. В первом случае это было древнее и глубокое движение, теоретически обоснованное в XIX веке в «Очерке теории рас» Ж. Гобино, в то время как Германия того же времени, пропитанная лютеранством, была более толерантной. Интересно отметить, что антисемитизм, развившийся в Германии во время войн между этими двумя странами, не сблизил их, хотя во Франции крайне правые течения смогли сплотиться с нацизмом уже в 1933 г., в частности, вокруг этого мотива.

Немецкой оккупации, начиная с 1940 г., благоприятствовало коллаборационистское движение вокруг маршала Петена, который способствовал выслеживанию и депортации евреев во Франции, но оно не привело к сплочению между двумя странами. Французские ультраправые заявляли о своем патриотизме во имя национального обновления на основе нацистской Германии, в то время как голлистское и коммунистическое движения Сопротивления строили идею Франции на основе борьбы с нацизмом, что выходило далеко за пределы противостояния между немецкой и французской нациями.

Поэтому моя гипотеза будет состоять в том, чтобы поставить под сомнение тот факт, что понятие «нарциссизм малых различий» может быть использовано для объяснения как борьбы между пограничными странами, так и стигматизации изнутри врага, превращенного в козла отпущения. В обеих ситуациях есть некие ставки, которые в первом случае ведут к войне, а во втором – к резне, характерной для гражданских войн.

I. Опасности соседства

Нарциссизм «малых» различий... Различия хорошо засвидетельствованы, но оспаривается их важность. Действительно, внешний вид жителей одной и той же части света не меняется радикально при пересечении национальных границ, и, если смотреть со стороны, никто не похож на тутси больше, чем хуту, на сефардского еврея больше, чем палестинский араб, на серба больше, чем хорват. Поэтому для защиты национального нарциссизма необходимо заявить об этой разнице, усилить ее, чтобы она была признана «большой разницей», неустранимой разницей, навязанной насильственно. Кровь, пролитая с обеих сторон, не скрепляет пакт, а представляет собой непреодолимый предел, в том числе и для последующих поколений. Ведь нельзя заключить договор с врагом, если, конечно, ты не предатель.

Остается выяснить, почему так важно было подчеркивать это различие. Таким образом мы переходим к топологическому измерению, которое определяет контуры идентичности, рисуя в полном объеме то, что находится в пустоте пограничного пространства. Сходство между непосредственными соседями действительно опасно, поскольку риск смешения, а значит, и потери идентичности, максимален. Это точно такой же процесс в перевернутом виде, который происходит с «любовью с первого взгляда»: узнавание в незнакомце странного сходства с собой, которое является не чем иным, как интенсивным удовольствием от того, что вновь обретен утраченный первоначальный объект. Влюбленные, особенно если они, так или иначе, далеки друг от друга, будут восхищаться тем, что наконец-то нашли свою «родственную душу» и смогли слиться с ней, уже не как с другой, а как с гомозиготным близнецом.

Напротив, ближний, безусловно, предлагает возможную поддержку против одиночества и приносимой им неудовлетворенности, как и связанных с ним рисков, но он также представляет собой постоянную потенциальную угрозу вторжения и, следовательно, утраты того тихого покоя, замкнутого в себе, что на латыни называется 'acquiescentia in se ipso'. Позже мы увидим, как такая угроза влияет на идентичность.

Таким образом, любое соседство подразумевает наличие реальной или воображаемой границы, и поддержание ее в мирном состоянии – это тонкое занятие, иногда достигающее масштабов искусства в непринужденных беседах о погоде, которые ведутся по обе стороны садовой изгороди в маленьких английских деревнях...

Однако игра ведется не только между соседями. Примитивное узнавание себя, – то, которое не прошло через работу сублимации, – осуществляется в пространстве, гарантированном фиксированностью границ и предполагаемым «правом» каждого на это место.

Сам термин «нарциссизм мелких различий» граничит с оскорблением, поскольку подразумевает, что третья сторона считает эти различия незначительными. Поэтому необходимо навязать признание этого различия силой.

В этом случае можно зайти далеко, поскольку борьба за признание своего права на отличие предполагает создание союзников и, таким образом, неизбежное доведение конфликта до той точки, в которой его придется прекратить тем или иным способом.

Признание придет через капитуляцию одной из сторон, сдавшей, чтобы сохранить свою жизнь, но не имеющей другого выбора, кроме как возобновить борьбу как можно скорее. В этом случае признается и материализуется в соответствии со справедливым распределением не разница, а разногласие, застывшее в искусственном порядке, поддерживаемом силой.

Функция «нарциссизма малых различий» будет заключаться в напоминании нам о таком положении дел, и это ни в коем случае не признание особенностей идентичности, которые было бы приятно встретить, чтобы насладиться их разнообразием. Вместо этого оно заключается в их использовании в пропагандистских целях в постоянной войне, которая может быть «холодной» или объявленной. Далекий от любопытства к иностранцу, его языку, его культуре, его стране, этот нарциссизм подразумевает принижение, высмеивание, короче говоря, такое восприятие другого, которое направлено на то, чтобы сделать его одновременно отвергаемым и опасным.

Именно поэтому оно потенциально содержит в себе убийство другого или даже его полное уничтожение. Ненависть к другому внедряется в сознание через язык, как показали Виктор Клемперер и Джордж Оруэлл, и название этого другого направлено, прежде всего, на то, чтобы заклеить его, показав его особенности как одиозные или смешные черты. В отличие от юмора, проявляемого по отношению к себе, ирония по отношению к ближнему будет вредоносной, так как предполагает насмешку над его якобы типичными чертами.

Идея «национального гения» или «духа народа» обретает здесь самую негативную формулировку, как будто само ее существование стало оскорблением или даже угрозой.

Как от патриотической любви происходит переход к националистическим претензиям?

Что такое нация?

Этимологически нация (*natio*) определяется как общее место рождения, которое человек получает либо в силу географических обстоятельств своего рождения, либо в силу родительской передачи, либо в результате выбора, который затем называется «натурализацией», которая должна сделать «естественным» то, что на самом деле было индивидуальным решением. Но желание жить вместе в любом

случае подразумевается и как признание общего прошлого, и как политическое осуществление настоящего и предвидение будущего. Поэтому не существует нации без сплоченности, без общего языка и культуры, что в принципе также подразумевает солидарность, гарантированную, в частности, распределением налогов и национальной обороной.

Таким образом, нация всегда является одновременно и фактом, и потенциальной целью, которой необходимо достичь. Можно ли, однако, сказать, что претензия на эту сущность сама по себе является источником конфликта, поскольку составляющее ее различие всегда требует поддержки или даже защиты? Вытекает ли национализм непосредственно из самого факта существования наций, или это нечто иное?

В 1926 г. Гитлер высоко оценил «шовинизм» Франции и выразил сожаление, что Германия не умеет прививать его молодежи так же эффективно, как это делают французы:

«То, что мы называем шовинистическим воспитанием французского народа, является лишь чрезмерным превознесением величия Франции в области культуры или, как говорят французы, «цивилизации»... В нашей стране, напротив, к греху забвения... добавляется позитивное разрушение того немногого, что каждый имел возможность узнать в школе... Необходимо вживить в юные сердца тесный союз национализма и чувства социальной справедливости... Если бы я был французом, и если бы, следовательно, величие Франции было мне так же дорого, как священо величие Германии, я не мог бы и не хотел бы поступать иначе, чем поступает Клемансо» (запрещенная в РФ книга «Майн Кампф» цитируется по статье англоязычной Википедии "Chavinism")¹.

Шовинизм здесь понимается как национальная гордость, которая заключается не в деталях, а в величии страны в политике или культуре. Можно решить, что именно культура позволяет преодолеть национальный партикуляризм. Это далеко не всегда так, и не только одна культура может противопоставляться другой как более совершенная, но и «интеллектуалы», которые призваны быть ее носителями, в некоторых случаях могут превратить ее в боевого коня вместо инструмента мира и коммуникации.

Приходится думать, что эксплуатация нарциссизма малых различий – это, по сути, работа пропаганды, которая во время конфликта поддерживает ненависть к другому, чтобы заставить заинтересованных людей нести военные издержки, и может принимать самые разные формы, от иронии карикатуриста, который берет на себя труд выделить наиболее яркие национальные черты, чтобы сделать их объектом насмешек, до клеветнической диатрибы, транслирующей свой страх и

¹ URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Chauvinism>.

создающей простую и понятную картину. Опыание, а не информация, становится единственной целью.

Можно было бы представить, что высокий культурный уровень «интеллектуалов» позволит им избежать подобных провалов, однако тем более удивительно узнать, что писатели, философы, художники часто были вовлечены в подобную деятельность во время войн XX века, в которых Германия противопоставлялась Франции. Более того, работа по обозначению различий для оправдания конфликтов приводит к появлению некоего странного определения «национального духа», далекого от универсальности ценностей Просвещения.

Далее я приведу пример того, как два таких близких термина, как «культура» (*Kultur*) и «цивилизация» (*Zivilisation*), могут стать оружием против оппонента.

II. Выражение «нарциссизма малых различий» среди «интеллектуалов» во Франции и Германии

В книге «Будущее одной иллюзии», опубликованной в 1927 г., через год после публикации «Майн Кампф», Фрейд отмечает, что он не желает отделять «цивилизацию» – понятие, квалифицирующее приручение морали и хорошего внешнего поведения, – от «культуры», обозначающей интеллектуальные, художественные и религиозные разработки народа. Для него культура, далекая от того, чтобы быть аутентичным, если не спонтанным излиянием, не свободна от такого подчинения, откуда проистекает и «недомогание культуры», о котором он скажет позже.

Это различие фактически стало источником спора между Францией и Германией, которые оспаривали гегемонистскую тенденцию англичан и французов в этом вопросе. Кант в 1784 г. в «Идее всеобщей истории с космополитической точки зрения» [2] подчеркивал, что если искусство и наука «окультуривают» нас, а урбанизм и социальный этикет «цивилизуют» нас, то, тем не менее, нет необходимости в том, чтобы мы были «морализированы». Он напоминает, что «необходимо долгое внутреннее совершенствование каждого сообщества для воспитания своих граждан», усилия, поставленные под угрозу экспансионистскими целями государств во имя цивилизации, которую они хотят навязать другим. Цивилизация, таким образом, была бы похожа на ложную культуру без подлинной морали и, особенно, без работы, которая представляет собой *Bildung*, воспитание личности, будь то индивид или община. Примерно в то же время (1785) Гердер вводит понятие «национального гения» и утверждает, что каждая национальная культура равна другой в том смысле, что она реализует одну из виртуальностей человечества.

Противопоставление немецкой буржуазной культуры французской аристократической цивилизации не исчезнет с окончанием Анцианского режима, а цивилизация, ставшая секуляризованной заменой религии в духе Просвещения, даст Франции уверенность в правоте ее миссионерского призвания как в Европе, так и в других странах в рамках программы колонизации.

С немецкой стороны, при возрождении лютеранской критики Рима, речь будет идти о защите "*Sonderweg*" (особого пути) буржуазной культуры, который одновременно уважителен к властям и безразличен к политике, как позже мастерски показал Теодор Фонтане.

У Ницше, как напоминает нам Жак Ле Ридер, появляется другая точка зрения, ставящая на одну сторону культуру и коррупцию, поскольку *Kultur* черпает свою жизненную силу из канализированного – мы бы сказали, сублимированного – варварства, в то время как цивилизация была бы лишь культурой, оставленной жизнью, укрощением и, следовательно, нетерпимостью к смелости и новизне.

С некоторыми искажениями Третий рейх извлек из нее как защиту немецкого национализма, так и презрение к поверхностной утонченности, которая противопоставлялась ему с позиции превосходства. Еще один шаг, и именно слово «культура» вызовет у Геббельса желание выстрелить из пистолета! Однако все не так просто, поскольку, как мы видели в цитате из «Майн Кампф», Гитлер утверждает, наоборот, преимущества французского шовинизма, то есть культ героев, а не только хороших манер. Провокационный парадокс, явно призванный подстегнуть национальное самолюбие!

Однако он вполне мог бы почерпнуть свой аргумент у автора «Смерти в Венеции», воспевающего преимущества распространения *Kultur* как «сублимации демонического», стоящей выше морали, разума и науки.

В октябре 1914 г. Томас Манн [4] опубликовал в газете *Neue Rundschau* знаменитую статью («*Gedanken im Kriege*»), в которой он утверждает, что между *Kultur* и *Civilization* нет ничего общего и что война ведется между этими двумя видениями мира. Цивилизацию он определяет через Разум (*Aufklärung*), мягкость, дух (*Geist*), а *Kultur*, напротив, через «духовную организацию мира», которая не исключает «кровавой дикости». Таким образом, *Kultur* и милитаризм – братья, идеал одного из них совпадает с идеалом другого.

Согласно морали Калликла, право – это сила, а справедливость направлена лишь на то, чтобы выровнять мир в пользу слабых.

Между 1914 и 1915 гг. Ромен Роллан [5] опубликовал около пятнадцати статей, в которых утверждал, что разделяет с «ними» культурное наследие «нашего Гете». Он обращался к немцам и пытался заставить воюющие стороны всех национальностей услышать голос «над схваткой». В основе его аргументации лежит идея о том, что Германия вопреки собственной традиции была втянута в воинственный

пангерманизм прусского империализма – перспектива, которая два десятилетия спустя могла быть в равной степени применима и к нацистской Германии.

Именно во имя своей культуры он призывает немецкий народ не следовать прусским поджигателям войны: «Кто вы – внуки Гете или внуки Аттилы?.. Вы показываете себя недостойными этого великого наследства, недостойными занять место в маленькой европейской армии, которая является почетным караулом цивилизации», – пишет он после разрушения Лувена и Реймса немецкими солдатами в 1914 г. [5].

Вот почему тот факт, что «интеллектуалы» могут призывать к войне, наполняет его гневом и печалью. Вместо того чтобы использовать свою критическую силу, эти «педанты варварства» (здесь он цитирует философа Мигеля де Унамуно) кажутся ему стаей, лающей на тропе, когда охотник выпускает их на волю.

Бергсон прозорливо заявил, что «борьба против Германии – это борьба цивилизации против варварства».

Немецкий историк Карл Лампрехт отвечает зеркально: «Война, ведущаяся между германизмом и варварством <...>, является логическим продолжением тех войн, которые Германия вела на протяжении веков против гуннов и против турок» [3].

Кто-то всегда является «варваром», то есть иностранцем для другого, степень цивилизованности этого кого-то вначале презирается, а затем игнорируется, отменяется.

Что понимается под «духом народа» и «национальным гением»?

Интересно отметить, как трудно самым универсалистским умам избавиться от этих клише. Ромен Роллан [5], сравнивая опасности панславизма и пангерманизма, возвращается к ним, как бы вопреки себе, после того как напомнил нам, что, чем выше культурная традиция народа, тем непростительнее потворство разрушению и завоеванию соседа.

Но он не довольствуется указанием на то, что Толстой и Достоевский по крайней мере равны Лейбницу, Гете или Ницше; он также выражает надежду на то, что Россия избавится от своего империализма благодаря новым революционным силам, в то время как Германия «поддерживает свою систематическую твердость в отношении слишком старой и изученной культуры», чтобы можно было ожидать от нее исправления.

Он начинает говорить о «характере двух рас» в терминах, которые, отнюдь не смягчая нарциссизм малых различий, проводят существенное различие. Давайте послушаем его:

«Немцы притесняют способом систематическим и, тем самым, всегда действительным. Более того, их высокомерие, презрительное ко всему, что не они, логика, хладнокровие, с которыми они осуществляют свои преследования везде, где они господствуют, делают их нестерпимыми.

Русские по своей природе менее последовательны; их ум не так систематичен; они скорее повинуются своему сердцу, и от этого они менее страшны в роли притеснителей. Иногда они наносят очень жестокие и болезненные удары; но порой они могут и одуматься. В своем поведении они более грубы и более резки, чем немцы (я говорю главным образом об администраторах и об офицерах), но в сущности они гуманнее этих последних, часто скрывающих под внешностью, полной вежливости, зверскую вражду» [5, с. 53].

Каково было бы мнение автора, если бы он столкнулся, с одной стороны, с Катастрофой (Холокостом), а с другой – с примерно равным количеством жертв сталинизма?

Что бы он подумал о гибели людей во время китайской «культурной революции» и казней Пол Пота (список, увы, длинный)?

Другими словами, можно ли понять характер народа по тому, как он расправляется со своим соседом или со своими соотечественниками? Мы знаем, что в 1945 г. побежденные немцы боялись советской оккупации гораздо больше, чем оккупации европейскими союзниками или американцами. Следует ли рассматривать это как поиск общности культур, или лучше считать, что советский империализм казался им тем более страшным, что они только что пережили нацизм?

III. Функция «нарциссизма малых различий» между нациями

Для психоаналитиков понятие «нарциссизм малых различий» представляет собой важный теоретический вопрос, который можно сформулировать следующим образом: как человек приходит к самому себе, нужно ли уничтожать все, что может оказаться угрожающим, только потому, что оно близко?

Я попытаюсь ответить на этот вопрос, показав, что на политическом уровне «нарциссизм малых различий» защищает как обладание, так и бытие субъекта.

Начнем с обладания и с того, что правовед Карл Шмитт называет «номосом» земли [6].

Захват власти начинается с акта обладания землей, который в глазах политической философии, начиная с греческой, представляет собой навязывание порядка, который будет иметь силу закона, «номос», из которого проистекает «номенклатура», как стран, определенных в их границах, так и семей, связанных с их землями. Такой порядок будет претендовать на легитимацию агрессивного и разрушительного действия, на котором он основан. В начале, таким образом, была ограда, но она, очевидно, не была установлена без убийства, чтобы изгнать первых оккупантов, а затем защитить свои границы.

Теория, предложенная Карлом Шмиттом [6], различает «захват земли» (*Landnahme*), в котором, как Руссо и многие другие, он видит основополагающее событие любого правового порядка, внутреннего или международного, и сам этот правовой порядок, взаимно расположенный в пространстве и практически закрепленный в земле ("*Konkretes Ordnungsdenken*"). По его словам, «номос», таким образом, еще не закон в строгом смысле слова, но то пространственное деление, которое породит правовой порядок. Действительно, разве всякий порядок не основан на разрезе, который выведет форму из первоначальной бесформенности и беспорядка, подобно тому, как божественный творческий акт разделил элементы и виды? В данном случае, однако, феномен «номоса» основан не на божественной воле и не на биологической причинности, а на человеческом поведении, которое мы вправе подвергнуть сомнению с психологической и этической точек зрения.

Для группы или отдельного человека захват территории отвечает жизненной необходимости, по крайней мере, в случае оседлых народов. Необходимо обеспечить удовольствие и пользу от работы на вспаханной и засеянной земле, и поэтому необходимо утверждать, что человек владеет ею. Обрабатывая землю, человек очеловечивает ее, оставляет на ней свой след, который он намерен передать своим детям. Мы уже перешли к утверждению идентичности, и достаточно посмотреть, как, например, во Франции названия мест, иногда замков, являются также фамилиями. Убежденность в неотчуждаемом праве субъекта рождается из утверждения, что его предки оплодотворили своей деятельностью нейтральное, анонимное, бесформенное пространство, прежде чем занять его. Владение, труд, собственность и семейная идентичность идут рука об руку.

По Карлу Шмитту [6], захват земли основывает право в двойном направлении: вовнутрь группы и за пределы группы. Внутри оно определяет патримониальную собственность на землю, зафиксированную в кадастре, а снаружи устанавливает границы по отношению к другим державам, которые также завладели землей. Он пишет: «Захват земель не только логически, но и исторически предшествует следующему за ним установлению порядка. Он содержит в себе изначальный пространственный порядок, источник всякого дальнейшего порядка и всякого дальнейшего права. Он есть укоренение в царстве смыслов истории».

Эту точку зрения трудно оспорить на уровне исторических фактов или истории права. Если не ожидать, что божественная власть распределит землю и ее богатства каждому человеку в соответствии с его заслугами, то каждый человек должен помогать себе сам, что, как известно, всегда лучше сделать самому. Более того, ограничение, создаваемое вступлением во владение землей, в принципе обеспечивает мирное сосуществование по принципу «каждый сам за себя».

Для автора отсутствие порядка является синонимом хаоса и, следовательно, потенциального насилия. Последнее, однако, не исчезло, поскольку границы должны соблюдаться, но оно по определению ограничено этими же границами, по крайней мере, в принципе.

Ведь история состоит из последовательных вторжений, некоторые из которых происходят в рамках установленного порядка – например, когда мигрирующие племена получали римские земли от римского императора, – в то время как другие происходят без учета правовых установок в захваченной империи и затем приводят к ее распаду.

Осознавая возможность такого возвращения к хаосу, Карл Шмитт [6] предлагает провести различие между тем насилием, которое саморазрушительно и поэтому неэффективно, поскольку не предотвращает возвращение к прежнему статусу, и тем, которое имеет длительный характер и представляет собой новый пространственный порядок с точки зрения права наций.

Этот аргумент является чисто прагматическим или, в крайнем случае, может означать, что, в гегелевском смысле, суд Истории в конечном итоге является единственным, способным вынести решение по данному вопросу. Итак, мы видим, что первоначальный акт захвата земли на самом деле не имеет никакого логического внутреннего ограничения. Тот, кто захватил, может быть захвачен, и поэтому будет стремиться узаконить свой захват в соответствии с различными мотивами, начиная от легитимности порядка, который должен быть увековечен, поскольку он существовал ранее, до нового основания этого порядка по высшей причине, именуемой «смысл истории» или «божественная воля»...

Карл Шмитт, цитируя Аристотеля, стремится придать этому распределению легитимность, отличную от фактической. Он напоминает нам, что господство «номоса» путается у Аристотеля с режимом хорошо распределенной земельной собственности, обеспечивающей своего рода единообразие среднего класса в противоположность господству очень богатых или очень бедных, стремящихся управлять народными декретами вместо того, чтобы принимать во внимание справедливое соизмерение. Карл Шмитт напоминает, что «номос в первоначальном смысле – это именно непосредственная полнота юридической силы, которая не проходит через посредничество закона». Он добавляет, что это «конституирующее историческое событие, акт легитимности, благодаря которому только законность простого закона начинает иметь смысл» [6, с. 77].

Но нарциссизм малых различий также защищает бытие субъекта, связывая идентичность с землей происхождения.

Фантазийный риск – это не риск быть поработанным и эксплуатируемым своим соседом, а риск разрушения идентичности.

Потеря права на свой язык, невозможность публично поклоняться своим богам и передавать своим потомкам специфический идентифицирующий образ, потому что их ассимиляция с доминирующим окружением делает эти нарративы неинтересными или даже нежелательными, – все это приводит к сокращению различий, на которых нарциссизм защищал идентичность субъекта.

Именно в рамках номенклатуры такого типа индивид приходит в мир, в рамках данных, которые уже существуют для него и которыми он пропитывает себя, потому что они незаметно распространяются в нем с момента его рождения вместе с шумами и знакомыми запахами, вкусами приготовленной пищи, одеждой, обычаями и даже языком. Позже он узнает их, когда ему будут преподавать историю и культуру его страны, его региона и даже его семьи.

Таким образом, семейная и национальная идентичность, как представляется, одновременно транслируется через чувства и прививается старшими как ценность, которую нужно передавать, и можно полагать, что эти два процесса были бы неэффективными, если бы не действовали совместно. Она земная, она связана с почвой, отсюда и исходит идея «автохтонности», рождения из той самой почвы, на которой стоят города и дома.

С точки зрения психоаналитика, однако, дело представляется более сложным, поскольку личностная идентичность является результатом конструирования, которое основано на активном, хотя в значительной степени бессознательном психическом шаге: идентификации. Конечно, идентификации ребенка спонтанно осуществляются в направлении доступных семейных объектов, родителей, бабушек и дедушек, братьев и сестер и т.д., и мы, таким образом, находим фигуры, упомянутые ранее. Но персонажи семейного созвездия сами прошли через множество испытаний, чтобы прийти к образу, который они называют «я», и этот образ несет на себе следы гораздо более обширных влияний.

Обнаружение иносемейных и инонациональных характеров, иных культур, иных языков и иных горизонтов может открыть то пространство свободы, которое выйдет далеко за рамки изначальных договоренностей, позволит вступить во взаимодействие, дать возможность компенсировать фрустрации и даже иногда реализовать те мечты, от которых предыдущие поколения вынуждены были отказаться. В различных формах, от добровольной экспатриации до фобической и ограниченной практики организованных круизов, взрослый человек будет обсуждать фантазию о разрушении причалов, желание столь же сильное, как и желание убедиться, что эти причалы существуют и что их можно будет найти снова, хотя бы в момент возвращения, чтобы быть похороненным в лоне Родины.

Однако идентичность группы или субъекта существует только в функции контрастов, которые отличают ее от других, причиной чего, например, является воз-

мжность клонирования человека. Она должна быть постоянно верифицирована, подтверждена, в то время как субъект сможет радоваться тому, что чувствует себя похожим на другого настолько, насколько он на самом деле убежден, что по сути своей глубоко отличен от него.

Неудивительно, что человек, который теряет свой дом, право говорить на своем языке или соблюдать свои обычаи, человек, у которого отбирают землю, чувствует себя запертым в тюрьме насилия, которое хуже убийства, поскольку он лишен своей идентичности и при этом вынужден продолжать жить.

Слово «свобода», во имя которого погибло столько людей, на самом деле означает свободу быть самим собой, это борьба за национальную или индивидуальную идентичность. Но ее конечной гарантией является не что иное, как добровольно принятая смерть, которая всегда позволяет человеку путем самоубийства избежать угнетения.

Что касается владения землей, то оно смешивается с признанием собственной идентичности, о чем свидетельствует культ богов Лареса и Пената в античности. Таким образом, именно этот безошибочный теллурический характер дает субъекту и силу бороться за свою землю, и безумие притворяться, что очищает ее от любого элемента, который может запятнать чистоту идентичности населяющей ее группы. Тогда человек попадает в другое измерение, где смерть будет дана без ограничений, в опьянении идентичностью Аналогичного.

Заключение

Таким образом, мы видим, что национальная специфика может в зависимости от случая порождать как любопытство соседей, так и соперничество, даже разрушительную зависть. Какие именно мотивы будут толкать вместо того, что Юрген Хабермас называет «единством разума во множественности его голосов», к этно-центризму, ксенофобии и, наконец, к конфликту?

Однако нарциссизм малых различий сам по себе не является генератором конфликта; напротив, он используется для оправдания гегемонистских амбиций, которые несут единственную ответственность за войну.

«Разве, – вопрошал Роллан, – невозможно было если не любить друг друга, то хотя бы терпеть каждому великие добродетели и великие пороки другого? ... Нужно ли, чтобы сильнейший всегда мечтал подавлять своей надменной тенью и чтобы другие постоянно соединялись для борьбы с ней?»

Если сосед своим отличием вызывает столько же беспокойства, сколько и притяжения, то это, как правило, должно привести к фобическому замыканию на себе,

которое не противоречит ни любопытству, ни желанию идентифицировать себя вне семейных или национальных признаков.

«Не в том, чтобы властвовать над миром посредством силы и хитрости, а в том, чтобы мирно поглощать все великое, живущее в мысли других рас и взамен излучать гармонию», – такова была программа, о которой упоминал Ромен Роллан в 1914 г. [5].

Призывая к войне, повсеместно признанные интеллектуалы создают большой и непростительный риск для цивилизации.

Стамбул, июнь 2012

ЛИТЕРАТУРА

1. *Freud S.* Die Zukunft einer Illusion. – Rostok: Ramses, 2012.
2. *Kant I.* Kritik der praktischen. – Vernunft Verlag, 2011.
3. *Lamprecht K.* Deutsche Geschichte. – Paderborn : Salzwasser, 2016.
4. *Mann T.* Gedanken im Kriege // Neue Rundschau. – 1914. – B. 25. – S. 1471–1484.
5. *Rollan R.* Au-dessus de la mêlée. – Paris: Editions Payot & Rivages, 2013.
6. *Schmitt C.* Der Nomos Der Erde im Völkerrecht Des Jus Publicum Europaeum. – Berlin: Duncker & Humblot, 1997.